

ШИЛЬМАН М. (кандидат философских наук, доцент кафедры теоретической и практической философии ХНУ имени В.Н. Каразина)

НЕХВАТКА АРХИТЕКТУРЫ СОЦИАЛЬНОГО

В статье анализируется способность современной архитектуры изобретать новые конфигурации социального и утверждать их языком радикальных требований, что представляет собой своеобразную политику опустошающего вмешательства в переуплотненную среду общества потребления.

Ключевые слова: архитектура, социальная структура, дизайн, символический порядок, политика, пространство, видение, образ.

Шильман М. БРАК АРХИТЕКТУРИ СОЦІАЛЬНОГО У статті аналізується здатність сучасної архітектури винаходити нові конфігурації соціального і стверджувати їх мовою радикальних вимог, що є своєрідною політикою спустошуючого втручання у надцільну середу суспільства споживання.

Ключові слова: архітектура, соціальна структура, дизайн, символічний порядок, політика, простір, бачення, образ

Shilman M. THE DEFICIENCY OF ARCHITECTURE OF THE SOCIAL The ability of non-classical architecture to invent new social configurations and to assert them by the language of radical requirements is analysed in the article, that is the original politics of devastating interference into the hyperdensity environment of society of consumption.

The mistrust to great philosophical systems in a context of nonclassical thinking caused a search of new alternatives to old metaphysics of architecture. Now the philosophy and architecture have an intimate contact in matters of diagnostics of modern social space. The postmodern condition (as «incomplete project» and «end of social») can be think by analogy to the Babel tower. This kind of «ruins» and/or «building» is an ambiguous «breakup», which serves as a field and the base to any future social configurations. Any policy that is carried out in this field is the modulation of parameters and selection of settings of social architecture. In the mode of consumer design architecture is a form of mass-media; it mobilizes functional spaces and simulates non-functional space. Architecture in radical mode is the art of seeing the world by forms and is focused on demobilization of functional spaces by making non-functional in the density of the mass society. Only in the second case the architecture generates a new symbiotic relationship, acting as the creation of a new social constructions.

Keywords: architecture, social structure, design, symbolic order, policy, space, vision, image.

© Шильман М.

Было бы излишним пространно и/или детально вести речь о расширяющемся вот уже которое тысячелетие поле смысловой близости архитектуры и философии. Метафорами зодчества пестрит вся история западной философии, понятийные системы и архитектурные ансамбли служат структурным дополнением друг другу, архитектурные композиции вступают в переключку с философскими концептами. С точки зрения ориентации на прочность, фундаментальность и надежность задачи классической философии были всегда аналогичны задачам традиционной архитектуры. В то же время рухнувшее в контексте неклассической философии доверие к великим философским системам отозвалось обрушением прежней метафизики архитектуры и поиском ей

нетрадиционных альтернатив. Поставленная таким образом под сомнение сама основательность и долговечность каких бы то ни было человеческих (по)устроений обеспечивает схождение философии и архитектуры в вопросах диагностики и симптоматики нынешнего пространства социального.

Рост числа философско-архитектурных проектов, склонность теоретиков архитектуры к философской проблематике, равно, как и неубывающий интерес в сфере социальных исследований к процессам, наблюдаемым в современной архитектуре свидетельствует об *актуальности* данного исследования, посвященного вопросу возможности (пост)современной социальной архитектоники. В качестве *цели* данной статьи выступает совмещенный анализ «общества потребления» в условиях городской среды и современной архитектуры в условиях «массового общества». Это, в свою очередь, обуславливает постановку *задач* по выявлению специфических особенностей и отличительных черт современного социального дизайна.

Для того, чтобы оценить *степень разработанности* данной проблемы, необходимо отметить обнаруживающие философское содержание искусствоведческие тексты Ч. Дженкса, П. Эйзенмана, Р. Колхаса, А. Рапопорта, М. Добрициной, а также работы М. Фуко, Ж. Деррида, Ж. Делеза, Ж. Бодрийера и др., прямо или косвенно обращающихся к теме архитектуры в контексте социальной и политической философии. С оглядкой на это, научная *новизна* предлагаемого исследования состоит в утверждении языка архитектуры как средства и способа уяснения сути современных социальных (у)расстройств.

В своем классическом определении архитектура служит наглядным экскурсом в онтологию, она являет (собой) организацию пространств – определяющую, активирующую и отграничивающую их друг от друга. Пространство, как «необходимое представление а priori» (И. Кант), предшествовало среде обитания, языку, порядку вещей, социальной конфигурации и человеку, которые и располагались в пространстве, и располагали пространством. Архитектура всегда решала (в том числе и практическую) задачу упорядоченного вмещения, распределения и дислоцирования бесконечного многообразия объектов – во имя пространственно осваивающегося субъекта, который сам служит элементом мирового ордера. В этом смысле нельзя не согласиться с мнением Ж. Деррида о том, что традиционно архитектура материализует социальную иерархию, дополненным мнением Ч. Дженкса о том, что издавна архитектура манифестирует должную субординацию элементов, участвующих в строе иерархий.

Неоднозначный стык материализации \ манифестации заставляет обоих означенных выше авторов (пере)осмыслить пространство ветхозаветного мифа в терминах исповедания \ заповеди. Для Дженкса очевидно, что «...первым архитектурным манифестом, или правилами приличия, были божественные десять заповедей» [20, р. 6]; при этом функциональная амбивалентность манифеста-декларации состоит в том, что акцентируются оба полюса высшей силы – создание и разрушение, сохранение и уничтожение, обаяние и террор. Таким образом, заповеданная архитектура мира требует воплощения, т.е. исповедания, возможного лишь в режиме создания-разрушения. Аналогичным образом Деррида прочитывает проект-историю Вавилонской башни, как очевидный пример строительства-разрушения, в ходе которого бог «...даже разрушая башню, разрушает ее не до конца», но «...оставляет башню в развалившемся состоянии, делая возможным, таким образом, как существование множества языков, так и существование архитектуры» [7, с. 46]. Очевидно, что в данном случае радикальное требование-декларация (нового) мирового устройства несет в себе невозможность его (окончательного) построения-материализации, но делает возможным саму практику устройства, т.е. ведения строительства. При этом выстраиваемый социальный порядок в то же время и разрушается, т.е. пребывает в постоянно «развалившемся состоянии».

Параллель между «состоянием после Вавилонской башни» и «состоянием постмодерна» очевидна: имеется некий «незавершенный проект» (Ю. Хабермас) или нескончаемый «конец социального» (Ж. Бодрийер), нечто одновременно и недостроенное,

и не(до)разрушенное – оставшееся после, не доведенное до (своего) конца, но и не уничтоженное окончательно. Подобное состояние служит характерной особенностью неклассической архитектуры, которая, по словам П. Эйзенмана, знаменует «...свободу от априорных целей или концов...» [18, р. 169] и представляет собой «...процесс изобретения искусственного прошлого и настоящего, которое лишено будущего» [Ibid., р. 172]. В таком случае а posteriori условием какого-либо (дальнейшего) строительства служит само это (неустраняемое) состояние развала, выступающего и как строение, и как руины. Не имеющий естественных окончностей (пределов-границ) развал становится непосредственно тем открытым полем всякого возможного строительства, где проведение-декларирование политики того или иного *рода* приводит к возникновению-материализации того или иного *вида* социального. И тут следует удерживать в фокусе внимания проблематичность пространств – что является «больным местом» и современной архитектуры, и массового общества.

На языке М. Фуко и Ж. Делеза организация автономных «пространств изоляции» отличает проект Модерна и есть прерогатива дисциплинарных обществ, чья первейшая задача – «распределять пространство» и «упорядочивать время». Наступление же нынешнего времени обществ контроля (состояния пост-модерна) происходит под знаком «...всеобщего кризиса всех пространств изоляции...» [6, с. 226-227] – он характерен размыканием-разрывом контуров, падением-размыванием границ и рождением принципиально новых технологий коммуникации. Подобный переход от системного множества закрытых пространств, у каждого из которых был собственный закон, к открытому несистемному «пространству», способному поддерживать множество законов, означает замену универсального языка «соотношений» на язык поливалентных «сообщений». Такой переход, как отмечает У. Эко, отбрасывает в прошлое как понятие изолированной защищенной зоны, отождествляемое с общиной, так и понятие «границы города, области, царства...», воспринимаемые «...как сумма индивидуальных защищенных пространств» [17, с. 149]. С оглядкой на сей факт приходится признать принципиальную невозможность какой-либо реальной «изолированности», а значит и всякой априорной «защищенности», «индивидуальности» и «общности». Другими словами, констатировать кризис пространств, не способных более конституироваться ни как «пространства вмещения» изолированных объектов или субъектов, ни как «буферные пространства», обеспечивающие эффект изоляции.

С изменением самого понятия пространства претерпевает изменение и природа (пространственных) объектов, и язык архитектуры, ведущих о них речь. Функциональная изолированность самоценных объектов уступает место коммуникативной среде установления новых сопряжений архитектуры (социального) и (социальным) дизайном.

Гибель пространств как особенность-предтеча «нового социального» отслеживается Ж. Бодрийяром с предельной аналитической резкостью. С его точки зрения «...исчезновение публичного пространства происходит одновременно с исчезновением частного пространства» [4], что монополизует публичную жизнь рекламой, которая по своему образу и подобию организует архитектуру, лишая последнюю сценичности, простирая, необходимых дистанций и оппозиций. «Демократичный» рекламный дизайн уничтожает всякое символическое «позиционирование» – будь то экспозиция пространств, занимаемых относительно автономными объектами, или диспозиция пространства субъекта и публичного пространства. Налицо композит «рекламируемого», исключаяющий какую-либо (взаимную) изоляцию составляющих, не допускающий между ними каких-либо зазоров.

Насыщенная среда, где ничто ни с чем не граничит, а значит и не может находиться во взаимоотношениях, характерна нескончаемым уплотнением, слипанием компонентов в разнородное «воедино». Ее гипертрофированная способность безграничного вмещения обуславливает эффект «...непрерывного приставания, истребления (курсив мой – М.Ш.) промежуточных и защитных пространств» [4],

аннулирования дистанций и границ, т.е. эффект тотального «короткого замыкания» всего на все. Смонтированная масса располагающихся «вместе», «в стык» и «внахлест» элементов нивелирует-потребляет символические пространства.

Согласно сходному диагнозу А. Рапопорта, «сегодня архитектура во всем мире уступает место дизайну, который принадлежит не столько сфере духа и культуры, сколько сфере обслуживания» [13]. Причина же того, что «...дизайн успешно развивается и поглощает архитектуру» заключается в том, что «...его идеология оказалась созвучной идеологии потребительского общества...» [12]. Архитектура ничтожится с уничтожением пространств, т.е. с устранением между своими объектами тех пустот, которые – в масштабе целого – и служат различимости самих объектов. В отличие от архитектуры, дизайн предполагает крайнее сгущение объектной среды, где организация целого подчиняется правилам конъюнкции, которые налагаются на массу разнородных элементов, сливающихся в коллаж.

Коллаж как своего рода «гипертрофия композиции», обстановка вплотную, исключает диспозицию, выключая дистанции. Его элементная составность не подразумевает расстановку объектов, их рас-стояние. Ему, как отмечает М. Добрицина, напротив «...свойственна хирургическая процедура» [11, с. 185] – операция по изыманию объектов из собственных контекстов и лишение их прежнего достоинства. В этом смысле он выступает как заставка, маскирующая отсутствие пространства, а всякий объект, включенный в коллаж, теряет свою особенность-внешность, поскольку оказывается в окружении смежных объектов, но лишенным окружающего пространства. Объекты, становящиеся элементами коллажа не автономны и не изолированы от себе подобных. Они считываются все вместе – на них невозможно «бросить взгляд», ни один из них нельзя образовать, т.е. «окинуть взглядом», обособить по линии обреза.

Исчезновение гарантированных размежеваний-иерархий объектов, подчеркиваемое в социальном поле архитектурными средствами, имеет, как показывает Фуко, весьма долгую историю – своего рода оптическую историю «социальной близорукости», разворачивающуюся в последовательности сменяющих друг друга типов обществ.

1. Общества, опирающиеся на культуру зрелища, ставили перед архитектурой задачу «...делать доступным множеству людей наблюдение малого числа объектов» [14, с. 317]. Особая ценность *взора* – необходимости взирать и способности созерцать – ориентировала архитектуру на непосредственную зримость своих объектов. Автономии пространства объекта (сакрального предмета, храма) соответствовали естественно изолированные социальные пространства (семьи, селения, трибы). 2. В Новое время архитектура сталкивается с иной проблемой, пытаясь «...обеспечить для малого числа людей, и даже для одного человека, мгновенное обозрение большого множества» [там же]. Здесь на первое место выходит *обзор* – необходимость озирать и способность составлять перечни обозреваемого ориентировали архитектуру на создание ясно наблюдаемых объектов. Автономия пространства субъекта подчеркивала его законодательную функцию в отношении разумно изолированных друг от друга социальных пространств (сословий, исповеданий, подданств). 3. Дисциплинарные общества, воплощающие «бдительность перекрестных взглядов», обязывали архитектуру «сделать видимым находящееся внутри» [там же]. При этом функциональная значимость *надзора*, отсылающего к необходимости слежения и управления, вызывал к жизни архитектуру, обеспокоенную созданием и выявлением относительно автономных и изолированных социальных пространств (институтов, структур, организаций), органически связанных с относительно автономными и изолированными символическими пространствами (закон, политика, идеология). В режиме надзора позиции субъекта и объекта становятся принципиально обратимыми – в функции от того, кто или что играет (в данный момент) роль надзирателя или поднадзорного. 4. Продолжая линию, прочерченную Фуко, можно сказать, что в обществах контроля даже относительная, ситуационная изолированность субъекта и/или объекта сходит на нет. На смену им

приходит короткозамкнутая среда коллажа, в которую включены не специфицированные элементы, которые умяются до лишенных автономии частей смонтированной целостности. В таком сосуществовании без зазоров остается единственная возможность «противоположной зрелищу» (М. Фуко) оптики – глазеть (или глазеть(ся), поскольку речь идет о не различающихся элементах). Что есть состояние *позора* (Бодрийяр котирует это, как порнографию) – неприкрытое, не удаленное, неестественное, подобное макросъемке.

Не-изолированность, сведение к нулю любых дистанций, оголенность (позорность) социального интенсифицирует коммуникацию «в упор», перенос всех образований и преобразований во время. Масса не нуждается в пространстве – она его не обживает, не размещается в нем и не вмещается в него; масса с ее «бесконечной способностью потребления» (Ж. Бодрийяр), поглощает пространство. Заполненное до предела и уплотненное сверх предела вещами, пространство переходит в услужение к массе, становится предметом потребления и сферой услуг. Последняя же определяет по преимуществу ту (услужливую) политику, проведение которой обеспечивает дизайн, вытесняющий архитектуру.

Поле, на котором вынуждена играть практика, желающая своего утверждения в качестве архитектуры, – это дизайнерские уголья, где всеядность коллажа на потребу массе порождает массу рекламных образов. Масса муслируется рекламой в той же степени, что и реклама муслируется массой; они сообщаются – «mass(age) is message» (Ж. Бодрийяр) – действуя сообща, м(а)услируя (друг друга) без рекламаций. При этом сообщающиеся без-образны, ибо не имеют образа, не продуцируют образы и не создают условий для возникновения образного. По словам Делеза «...функция образа не только в том, чтобы его увидеть» [5, с. 53-54]; согласно Фуко зримый образ подразумевает «язык дистанции» – будучи видным «...на расстоянии, делающим зрелище отдаленным...» [15, с. 219] он задает-определяет некий *вид* объекта, с которым соотносится. В этом смысле рекламный образ «безвиден» (как земля в начале творения), поскольку предназначен для того, чтобы было не зазорно глазеть. Такой образ, по свидетельству Бодрийяра, – это «...постоянная неудача: *видения* (курсив мой – М.Ш.) вещей и видения желаний», а «...его чтение – кратчайший путь отнюдь не к самой вещи, а к другому образу» [3, с. 192]. Реклама потребления и потребитель рекламы превращаются в не(за)видных соглядатаев: симуляция субъекта вторит симуляции объекта, образуя в итоге однородную массу озирающихся элементов.

Неудивительно, что один из вопросов, на актуальности которого настаивает Эйзенман, – «Что сегодня для архитектуры означало бы поднимать проблему видения?» – дополняется определением видения как «...по существу способа организации пространства и элементов в пространстве», а также способа «...смотреть *на* и определять отношения между субъектом и объектом» [19, р. 556]. При этом имеется в виду не покладистое, отвечающее потребностям изображение-констатация некоего истинного положения вещей, но действенное и радикальное прописывание-требование утверждаемого нового порядка. Поскольку, как замечает Дженкс, «...архитектура в конечном счете означает образ жизни...» [10, с. 130], обращение к ней, как к искусству *увидеть* (мир) некоторым *образом*, есть, в первую очередь, обращение к ее радикальности, к способности проводить политику, отличную от политики дизайнера. Политику, которая решается на предвидения и делает возможными преобразования – шанс вызвать к жизни новую архитектуру социального.

Одну из таких возможностей-задач социального плана формулирует Делез: «Архитектура всегда была политикой, и любая новая архитектура нуждается в революционных силах, именно она может сказать «Нам нужен народ», даже если архитектор не считает себя революционером» [6, с. 204-205]. Необходимость народа, который – в отличие от массы – немислим без пространственной определенности, символических обязанностей и культурных дистанций, есть очевидное требование радикального толка. Другую возможность усматривает Бодрийяр в «...радикальности,

которая является требованием пространства...» [1, с. 390] и делает архитектуру – «...не то, что наполняет пространство, а то, что создает пространство...» [там же, с. 391-392] – не «...программной транскрипцией принуждений социального и городского порядка...» [там же, с. 394], а именно архитектурой. В этом случае ясно звучит требование испыт(ыв)ать возможность новой архитектуры как «символической конфигурации общества» [там же, с. 401] или, говоря словами Добрициной, искать приемы реанимации «символической сути архитектурного пространства» [11, с. 139]. Для этого архитектура должна своим языком вести речь о чем-то непотребном с виду, не потребляемом никаким образом, о том, что не отвечает текущим потребностям. То есть – обнаруживать в самой себе радикальность своей радикальности.

С оглядкой на утверждение Дженкса о том, что природа архитектуры как языка «радикально шизофренична» [10, с. 30] можно проследить дальше оба отмеченных выше аспекта политики-архитектуры.

1. «Требование пространства» отсылает, говоря словами Бодрийяра, к «...радикальности пространства, которая представляет собой пустоту» [1, с. 389], что, в свою очередь, активизирует вопрос об искус(ствен)ном «произведении пустоты». Иначе можно спросить: возможен ли тот простор, который М. Хайдеггер определяет как «высвобождение мест», – в эпоху истребления пространств, когда все места заняты и (ок)купированы, мобилизованы и загромождены? Но раз социальный дизайн-контроль предполагает не (вы)свобождение, но (в)раз(вы)воз)мещение мест, симуляцию «своего места» в формате тотальной неуместности, комбинаторику отсутствующего, то, отвечая словами того же Хайдеггера, «...возможно, как раз пустота сродни собственному существу места и потому она вовсе не отсутствие, а произведение» [16, с. 315]. В таком случае архитектура читается как искусство порождения пустот, просторов, разрывов, провалов, пробелов, мертвых зон – чего-то «еще не»: не интенсивного, не оптимального, не коммуницирующего. Ее задачей становится создание-изобретение того, посредством чего может «открываться вид» – т.е. тех символических пространств (реальных пустошей), откуда можно «бросить взгляд». В этом смысле можно вести речь об очередной эпохе географических (точнее – геометрических) открытий, которая, обнаруживая «белые пятна», дает и новое видение привычного образа жизни в старом свете, и возможность жить другим образом в (еще) непривычном и (еще) необжитом Новом Свете. В «условиях развалин» такое создание пустот означает расчистку, разрежение, прореживание социального коллажа, выведение из использования, выключение, обособление, изымание из контекста-циркуляции-оборота элементов потребления. Практически это может представлять собой организацию зон, свободных от рекламы и мобильной связи или отведение мест, недостижимых для транспорта, – в любом случае речь идет о неких пространствах исключения: исключительных и исключających. И если признать, что в текущем формате социального нет ничего вне массы – технологии-среды внутреннего (у)потребления, тотального контекста, сплошной внутренности, не имеющей внешности-вида, – создание такого рода пустот означает творение альтернативного контекста, чего-то вне массы, что дает возможность (у)вос)становления символических отношений внутреннего и внешнего.

2. «Требование народа» отсылает к вопросу о «радикальности народа», на который, прибегая к помощи Делеза, можно ответить, что она представляет собой некую динамическую нехватку суверенности и независимости. Это «дискурс меньшинства», «...движение, в котором образуется какой-либо народ» и которое предшествует существованию народа [6, с. 163-164]. Это «...всегда созидательное меньшинство» [там же, с. 221], которое становится народом в легендарной последовательности: изгнание (исход) – сопротивление (уклонение) – образование (признание). Становление народом как преступное (преступающее) движение сопровождается радикалистским жестом выведения-вычеркивания себя из некоего (доселе) имеющегося состава (контекста, формата, среды) и самонадеянным жестом само-деяния, само-именования и

самоутверждения. Как показывает Деррида на примере подписания американской Декларации независимости, народ, которого «...не существует до этой декларации, не существует *как такового*» [8, с. 178] дает себе имя и право, т.е. самопорождается, подписывая-оглашая то, что предшествует его рождению. Это положение вещей возвращает нас как (к первоначально) в библейский контекст, к предистории пресловутой Вавилонской башни. Бог констатирует-признает факт наличия единого народа не в тот момент, когда сыны человеческие сказали «...построим себе город и башню... и сделаем себе имя», но после того, как строительство было затеяно и уже началось (Бытие, 11:4-6). Радикальность народа – это самоуправство, самозванство и самострой, процесс производства-строительства того, чего не хватает, там, где и без того (как кажется) полно. Иначе, это есть создание неполноты полноты, что возможно двойным жестом: опустошением полного и декларативным утверждением чего-то за пределами (вне) имеющегося полного.

Собственно, в этой точке смыкаются оба аспекта радикальности архитектуры, указывая на символический язык социального – пустоты и нехватки, именованная и придания внешности. В абсолютной полноте Рая, в идеально устроенной внутренности невозможно никакое строительство, порождение, создание. Именно там человек производит первое *опустошение* – он прореживает яблоню, высвобождая место; на месте яблока начинает зиять пустота. Это пустое место теперь символизирует его свободную волю, отступничество и начало будущего изгнания, но, прежде всего, оно открывает человеку глаза (Бытие, 3:7), дает возможность *видения*. Но эта возможность может реализоваться лишь вовне, в некоем внешнем по отношению к Раю пространстве, т.е. в том неустроенном, пустом Мировом пространстве, где человек суждено *строить* свою жизнь. Испытание пустотой впредь предшествует всякому строительству – будь то город, башня или народ – выступая основанием символического порядка, «абсолютного видения» (Ж. Бодрийяр). Опустошающий потоп, позволивший потомкам Ноя строительство Вавилонской башни на пустом месте; исход из Египта в пустыню ради обетованной вовне Земли и обретение в пустыне архитектуры нового социального порядка; опустошение этой земли для воплощения свободы, которой не хватало в сытом рабстве у фараона, – суть линия, вдоль которой складывается социальное и «лабиринт, который состоит из одной-единственной прямой линии» (Х. Борхес).

Делая *выводы* из вышесказанного, можно еще раз сформулировать в различии две политики устройства социального в условиях его конца-развала.

Политика потребительского *дизайна социального*, озвученная языком архитектуры состоит, говоря словами Бодрийяра, «...в нахождении наиболее остроумного ответа в сложно переплетенных условиях, в мобилизации пространства» [3, с. 30]. При этом «...архитектура и городское благоустройство... сами суть средства массовой информации, ... они воспроизводят массовые общественные отношения...» и способны лишь «...симулировать игру и нефункциональные пространства» [2, с. 163] – т.е. архитектура «...функционирует как музей, содержащий социальную форму...» [1, с. 402].

Политика радикальной *архитектуры социального* проводится посредством демобилизации пространств, в режиме «открытого произведения», который, как отмечает Дженкс, «...по причинам социального порядка... становится все более релевантным по отношению к произведениям архитектуры» [9]. При этом архитектура и градостроение прописывают новые символические отношения, меняют имеющийся расклад, внося нефункциональные пустоты в плотность массы, тем расчищая площадки, с которых открываются новые виды. Такую архитектуру влечет, по словам Фуко, «...сущностная пустота, из которой язык черпает свое пространство...» [15, с. 219] и устремлена она, по словам Делеза, к тому, чтобы родилась «...новая складка в социальной структуре...», возможность чего производит «...чистое складирование в новых материалах» [6, с. 205], представляющее собой некое начало «начала социального».

ЛИТЕРАТУРА

1. Бодрийяр Ж. Архитектура: правда или радикальность? / Ж. Бодрийяр // Вильковский М. Социология архитектуры. –М.: Фонд «Русский авангард», 2010. – 592 с., С. 389-407.
2. Бодрийяр Ж. Символический обмен и смерть / Ж. Бодрийяр; [пер. с фр. и вступ. статья С. Зенкина]. –М.: «Добросвет», 2000. –387 с.
3. Бодрийяр Ж. Система вещей / Ж. Бодрийяр; [пер. с фр. и сопр. статья С. Зенкина]. –М.: Изд-во «Рудомино», 2001. –219 с.
4. Бодрийяр Ж. Экстаз коммуникации / Ж. Бодрийяр; [пер. Д.В. Михель] // The Anti-Aesthetic. Essays on Postmodern Culture / Ed. Н. Foster. Port Townsend: Bay Press, 1983. P. 126-133. Режим доступа: <http://lib.rin.ru/doc/i/79619p.html>
5. Делез Ж. Кино. Кино 1. Образ-движение. Кино 2. Образ время / Ж. Делез; [пер. с фр. Б. Скуратов]. –М.: Ad Marginem, 2004. –623 с.
6. Делез Ж. Переговоры / Ж. Делез; [пер. с фр. и вступ. ст. В.Ю. Быстрова]. –СПб.: «Наука», 2004. –235 с.
7. Деррида Ж. «Жизнь в языке»: архитектура и философия. Интервью Евг. Майер с Жаком Дерридой / Ж. Деррида // Родник (Рига). –1992. –№1(61).
8. Деррида Ж. Отобиографии. I. Декларации независимости / Ж. Деррида; [пер. с фр. В. Лапицкого] // Ad Marginem'93. Ежегодник лаборатории постклассических исследований ИФ РАН. –М.: Ad Marginem, 1994. –422 с. С. 174-185.
9. Дженкс Ч. Новая парадигма в архитектуре / Ч. Дженкс; [пер. с англ. А. Ложкин, С. Ситар] // Журнал «Проект international 5». –2003. Режим доступа: <http://cih.ru/ae/ad37.html>
10. Дженкс Ч. Язык архитектуры постмодернизма / Ч. Дженкс; [пер. с англ. В. Рабушина, М. В. Уваровой]. –М.: Стройиздат, 1985. –136 с.
11. Добрицына И.А. От постмодернизма – к нелинейной архитектуре: Архитектура в контексте современной философии и науки / И.А. Добрицына. –М.: Прогресс-Традиция, 2004. – 416 с.
12. Раппапорт А.Г. Башня и лабиринт / А.Г. Раппапорт. Режим доступа: <http://papardes.blogspot.com/>
13. Раппапорт А.Г. Сталинский ампи́р – гипнотизм и наркотизм стиля / А.Г. Раппапорт // Научная конференция «Сталинский ампи́р», НИИТИАГ РААСН, 2007 г. Режим доступа: http://www.niitiag.ru/publications/biblio/biblio_0111.html
14. Фуко М. Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы / М. Фуко; [пер. с фр. В. Наумова под ред. И. Борисовой]. –М.: «Ad Marginem», 1999. – 478с.
15. Фуко М. Расстояние, вид, исток / М. Фуко; [пер. с фр. М. Рыклина] // Роб-Грийе А. Проект революции в Нью-Йорке. –М.: «Ad Marginem», 1996. –220 с. С. 206-220.
16. Хайдеггер М. Искусство и пространство / М. Хайдеггер; [пер. с нем. В. Биbihин] // Время и бытие: Статьи и выступления. –М.: Республика, 1993. –447 с.
17. Эко У. Полный назад! «Горячие войны» и популизм в СМИ / У. Эко; [пер. с итал. Е. Костюкович]. –М.: Эксмо, 2007. –592 с.
18. Eisenman P. The End of the Classical: the End of the End, the End of the Beginning / P. Eisenman // *Perspecta*, Vol. 21. (1984), pp. 154-173.
19. Eisenman P. Visions' Unfolding: Architecture in the Age of Electronic Media / P. Eisenman // *Theorizing a new agenda for architecture: an anthology of architectural theory 1965-1995*. Princeton Architectural Press, N.Y., 1996. Pp. 554-563.
20. Jencks C. The Volcano and the Tablet / C. Jencks // *Theories and Manifestoes Of Contemporary Architecture*. Edited by Charles Jencks and Karl Kropf. Academy Editions Ltd. 1997. 312 p. P. 6-12.